

— Ча Совун, разве ты не рад меня видеть?

— Черт...

Ча Хайя — первый человек, с которым Совун заговорил за последние полмесяца... И это случайно пробудило старые воспоминания. Даже в свой первый учебный день в старшей школе Ча Хайя тоже был первым человеком, с которым он заговорил.

Совун не мог предсказать, как продолжится их разговор после такого неловкого ответа. Единственное, чего он мог в какой-то степени ожидать, был вопрос типа: «Почему ты исчез?»

— Давай поужинаем вместе.

Это явно было не то, о чем предполагал Совун, но запах курицы-гриль, витавший в воздухе, делал это предложение более убедительным.

— Я уже поел.

— Тогда давай перекусим позже.

— Я на диете.

— Ты хочешь стать скелетом?

У Совуна было ощущение, что совместный ужин не был настоящей целью Ча Хайи. Это больше походило на ловушку, подобную той, когда родители говорят: «Дома поговорим».

— В любом случае, нам в одну сторону.

— Разве вам не на северо-восток? Я направляюсь на юго-восток, — Совун указал пальцем на каждую из областей.

— Нам тоже туда, — Ча Хайя снова натянул маску, а затем вложил свой окровавленный меч обратно в ножны.

— Ты не хочешь идти с нами? — внезапно Кансан приблизился с явно разочарованным выражением лица. — Как ты поживал?

Совун посмотрел на того, не проявляя особых эмоций.

— Плохо. Эй, Кансан, что ты делаешь?

Кансан, который был на две головы выше Совуна, неожиданно выхватил у того спальный мешок и рюкзак.

— Я знаю, ты сильный, но дай это мне, — сказал Совун, не желая расставаться со своими вещами.

— Это мой заложник, чтобы ты пошел с нами.

— Я же сказал, что направляюсь на юго-восток, а ваше убежище на северо-востоке.

Пока они спорили, рядом с ними продолжали драться с птицей-мутантом несколько человек. Благодаря тому, что Ча Хайя избавился от самца, все выглядело немного проще.

— Что ты хочешь на полуночный перекус? — внезапно спросил Ча Хайя, кажется, погруженный в свои мысли.

Передав обязанность по выбору меню Совуну, Ча Хайя, естественно, пошел вперед, ожидая, что тот последует за ним.

— И на кой черт мне это... — произнес Совун шепотом, однако шедший рядом Кансан все услышал и топнул ногой в ответ на чужой холодный тон.

— Совун-хен, не мог бы ты, пожалуйста, успокоиться? Мы все совершали ошибки и много размышляли над ними. Я серьезно, все тебя ждут. Без тебя наша гильдия распалась бы.

Это что, шутка такая? Совун проглотил свое внутреннее ворчание.

— Вы, ребята, можете сами о себе позаботиться. Тебе не кажется, что у меня есть право жить своей собственной жизнью?

Совун шагнул к Ча Хайе, который резко остановился, одними глазами спрашивая, почему парень не следует за ним. Тот метнул в него гневный взгляд. Он все не мог понять, почему этот придурок и Кансан совершенно не обращали внимания на серьезность ситуации.

— Просто идите на северо-восток. Я же пойду своим путем.

На этих словах глаза Ча Хайи над маской сузились. Совун не был уверен, было ли это насмешливое выражение или просто улыбка. Единственное, что его беспокоило, — это родинка под чужим глазом, которая всегда поднимала ему настроение, даже когда они были еще

студентами. Она не была расположена в каком-то интимном месте, но в ней всегда было что-то эротичное.

Ча Хайя опустил голову, чтобы соответствовать росту Совуна.

— Я же сказал. Мы идем юго-восточным маршрутом.

Эта игривая манера речи напомнила Совуну о старых временах. Когда Хайя снова выпрямился, Совун не удержался и бросил на него обвиняющий взгляд.

— Ладно. Тогда и перекусывать вам будет некогда, раз вы этим путем идете.

— Совун, послушай! Если ты все еще чувствуешь себя некомфортно, я не буду настаивать. Клянусь! Но покушать надо.

Совун даже не улыбнулся от этой глупой попытки.

Однако не было никакой гарантии, что, возвращаясь назад, удастся избежать встречи с потомством этой африканской яканы, как и встреч с другими мутантами при движении на юго-восток.

— Вы действительно шли на юго-восток? — спросил Совун Кансана, который несколько раз кивнул головой.

— Хорошо, тогда идем...

В какой-то степени ему повезло, что эти парни направлялись туда же, куда и он. Было приятно получить бесплатную защиту, путешествуя вместе. В конце концов, и Совун вносил свой вклад в гильдию. Чтобы выжить в этом месте, необходимо было поставить выживание выше гордости.

— А где твой меч? — Ча Хайя посмотрел на чужую сумку, которую нес Кансан, а затем повернулся к Совуну, который проигнорировал его вопрос и пошел вперед.

Ча Хайя не спрашивает дважды, и только Кансан проявил к Совуну беспрецедентную любезность, спрашивая о том, как парень все это время поживал. Когда они втроем шли рядом, на них невольно нахлынула волна ностальгии.

Обычно они собирались вместе и шли в компьютерный класс, выпивали по стакану соджу из любопытства, а потом заканчивали рвотой. Друзья тогда еще заклеили Совуна предателем за то, что он получил хороший балл на пробном экзамене...

— Предатель — это ты! Почему ты так плохо относишься к Совуну, когда сам даже не учишься?

Как только Ча Хайя встал на сторону Совуна, его друзья показали ему средние пальцы, прежде чем кто-то выхватил табель успеваемости из рук Совуна.

— О, у тебя действительно хорошие оценки, — недоверчиво выпалил кто-то.

— Я не собираюсь поступать в университет, — заявил Совун.

— Подонок. Что значит, ты не пойдешь в университет, если у тебя оценки лучше, чем у меня? До вступительных экзаменов еще больше года.

— Ну, я не могу пойти, потому что у меня нет денег на обучение.

Ча Хайя расхохотался. И он совсем не заботился о том, что это может задеть чужую гордость.

— Я продал его. Мне нужны были деньги, — кратко ответил Совун.

Когда он это сделал, ему показалось, что Ча Хайя, который шел немного впереди, от души смеялся, совсем как в тот день.

Ча Хайя был похож на инопланетянина. Не только из-за его необычного имени, но и из-за его незабываемо красивой внешности. Он был в центре внимания с того самого дня, как поступил в старшую школу.

Поскольку Ча Хайя был переведенным учеником, тема, в какой средней школе тот учился, стала первой для обсуждения. Особенно для девочек, которые были более любопытны и стремились узнать о новом ученике все. Однако какое-то время у них не было никакой конкретной информации. Даже Чон Чонсон, известная своими «хакерскими» навыками, не смогла найти никого, кто знал бы имя Ча Хайи, несмотря на то, что у нее было много друзей из других регионов.

Наблюдая за всем этим, Совун не мог не восхищаться способностями Чонсон к сбору информации, которые достигли даже острова Чеджу.

— Ты приехал из Индонезии?

Правда все-таки вырвалась из уст самого Ча Хайи после тщательных расспросов. Это был удивительно простой ответ, учитывая накопившуюся информацию. Как только он был получен, все вокруг накинута на парня с новой силой.

К счастью или к сожалению, тот, казалось, привык быть в центре внимания и не особо что-то скрывал о своей жизни. Поскольку Ча Хайя без колебаний отвечал на вопросы о себе, Чонсон вскоре потеряла к нему интерес. Вернее, было бы точнее сказать, что он не оправдал ее ожиданий и предвкушений.

Однако, возможно, именно из-за приятной внешности Ча Хайе удавалось всех очаровывать. Даже его одноклассники испытывали к нему странное восхищение.

Не потребовалось много времени, чтобы распространились другие слухи, что Ча Хайя получал бы хорошие оценки, даже если бы учился легкомысленно, что он частенько выпивает со своими друзьями из университета и что его семья была невероятно богатой.

Но на самом же деле Ча Хайя усердно учился, редко употреблял алкоголь и происходил из скромной семьи.

Затем распространился слух, что Хайя был сыном высокопоставленного члена национальной ассамблеи или руководителя компании. Масла в огонь подлило даже необоснованное утверждение о том, что его мать была какой-то актрисой. Это еще больше подтверждает предположение о том, что он вырос в Индонезии, с правдоподобным обоснованием того, что он был ребенком, которого тщательно скрывали от СМИ.

Конечно, Совун был уверен, что все эти слухи были беспочвенными. Ча Хайя жил вместе с индонезийцем, которого называл своим дядей, а не родителями. Они жили на вилле, которая стояла на самой высокой точке холма неподалеку, а его дом был частично зарыт в землю. Именно тогда Совун понял, что называлось бункером или цокольным этажом.

Половицы в разных местах были неровными, отчего при каждом шаге раздавался скрип, как будто ломались ветки. Ковер в гостиной украшали разнообразные красочные цветочные узоры. Совун чувствовал легкое удушье каждый раз, когда приходил сюда, думая, что это, возможно, слишком маленькое место для Ча Хайи и его дяди, у которого было весьма крупное телосложение.

«Ча Хайя, пригласи своего симпатичного друга на ужин».

«Совун, хорошенько позаботься о моем Ча Хайе».

«Модник, я дам тебе немного карманных денег».

У дяди Ча Хайи, который совсем немного говорил по-корейски, отсутствовало два зуба. Время от времени он давал Совуну карманные деньги, хотя сам был небогат.

Совун каждый раз чувствовал себя неуютно в такие моменты. Если он отказывался, казалось, что он игнорирует искренность, стоящую за таким щедрым жестом. С другой стороны, он не мог так просто соглашаться, зная, что у дяди отсутствуют зубы.

В конце концов, Совун всегда принимал деньги, планируя позже использовать часть своих собственных, чтобы внести вклад в приобретение дяде имплантата. Иногда ему казалось, что он заглядывает в невидимый туннель бедности, с которым никогда раньше не сталкивался.

— Тебя сильно беспокоит отсутствие зуба у твоего дяди?

— Чего? — не понял Ча Хайя.

— Каждый раз, когда я говорю с тобой о твоём дяде, мне кажется, что в твоих зрачках происходит землетрясение.

— Что ты несешь, сопляк?

Совун спускался вместе с Ча Хайей по склону, откуда уже был виден его дом, цена на который, казалось, была самой высокой в этом районе.

— Хочешь зайти в гости на ужин? — внезапно спросил Совун, спускаясь с крутого холма.

— Нет, спасибо, твой отец, черт возьми, ненавидит меня.

— Не так уж сильно он тебя ненавидит.

Отец Совуна был чиновником третьего ранга, заместителем министра государственного управления и безопасности. Он владел несколькими зданиями в Каннаме, поэтому друзья Совуна часто спрашивали его, сколько зарабатывает его отец.

Совун всегда просто отшучивался над этим, но, по правде говоря, большая часть денег, на которые они сейчас жили, досталась им по наследству.

Совун только собирался упомянуть, что дом будет пустовать из-за того, что у отца встреча, но внезапно передумал.

Визит Ча Хайи, естественно, и так привлечет внимание его отца из-за домработницы, которая тому все обязательно доложит. Совун не хотел, чтобы Ча Хайя догадался, что он живет под

бдительным присмотром своего родителя. Возможно, тот уже подозревал это, но Совун предпочитал продолжать молчать.

— Если не пойдешь, тогда иди домой. Зачем тебе вниз спускаться? — когда они были уже на полпути вниз по склону, Совун указал пальцем наверх.

— Я провожаю тебя. Этот район чертовски опасен. Я слышал, вчера какой-то придурок показывал свой член детям.

— Фу-у-у. Черт возьми, если бы я поймал его, то выбил бы из него все дерьмо.

Совун намеренно отвернулся, пряча скромную улыбку, что вот-вот хотела озарить его лицо, когда тот услышал, что Ча Хайя присматривает за ним из-за беспокойства.

— Забудь об этом, просто уходи. Я его уложу одной левой, ты же знаешь.

— Иди сюда, дай мне посмотреть на твои губы, — Ча Хайя неожиданно приблизился и ухватил чужие губы большим и указательным пальцами, а затем игриво сжал их, оттягивая в стороны.

— Что ты делаешь?! — Совун пихнул Хайю, в ответ на что тот наигранно простонал от боли, но все же отступил назад.

Ча Хайя усмехнулся и побежал вверх по склону, увеличивая расстояние между ними.

— О, точно. Чонсон тоже хочет сделать так каждый раз, когда видит твое лицо.

— О чем ты?

— Точно так же, как ты избегаешь смотреть на зубы моего дяди.

— Но у меня на месте все зубы.

— А кто ж знает?

— Э-э...

— На самом деле это потому что Совун слишком хорош собой, и это заставляет людей стесняться, — Ча Хайя легкой походкой поднялся на холм.

— О, намасте*!

П.п.: «намасте» — индийское и непальское приветствие; жест, представляющий собой соединение двух ладоней перед собой.

Совун, хоть и мог отличить Индию от Индонезии, продолжал игриво дразнить Ча Хайю. В ответ на это тот поднял руки над головой и сложил ладони вместе.

В любом случае, характер Ча Хайи Совуну очень нравился. Однако, услышав комментарий о том, что тот считает его привлекательным, нелегко было избавиться от ощущения, что над ним шутят.

Дорога домой была на удивление легкой. И Совун не понимал, это от того, что его отца не было дома или от того, что Ча Хайя, оказывается, заботится о нем. А может, это и вовсе от мыслей о чужом дяде, который доверяет Совуну всем сердцем.

«Ты такой хороший друг, спасибо тебе за то, что ты так добр к моему Ча Хайе. Если что-нибудь случится с ним, пожалуйста, позвони мне», — голос дяди эхом отдавался в ушах Совуна.

Возможно ли получить такое глубокое доверие от опекуна друга? Единственными опекунами, которых он знал, были его родители, и отец всегда критиковал его и принижал его друзей.

Совун и сейчас время от времени вспоминал дядю Ча Хайи, который держал его за руку и с теплотой смотрел ему в глаза.

<http://bllate.org/book/15478/1371356>